

Аннотация

В статье **А.Р. Султанова** как урок в области обеспечения справедливого правосудия рассмотрено решение Европейского суда по правам человека по делу «Матыцина против Российской Федерации». Суть его в том, как надлежит обеспечивать соблюдение принципа состязательности при использовании экспертных заключений.

Ключевые слова: допрос экспертов; Европейский суд по правам человека; принцип состязательности; справедливое судопроизводство; экспертное заключение.

Урок дела «Матыцина против Российской Федерации»

«Равенство, которого мы требуем, — всего лишь наиболее терпимая степень неравенства».

Георг Лихтенберг.

«Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит».

Эрих Мария Ремарк. «Три товарища»

В данной статье мы попытаемся показать на примере постановления Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд) по делу «Матыцина против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10) от 27 марта 2014 г., как должно применять европейские правовые стандарты справедливого правосудия¹.

Дело, безусловно, содержит в себе большое количество интересных и важных аспектов, что создает определенную проблему, поскольку для того, чтобы показать суть дела и его мотивы, ЕСПЧ затратил 54 страницы текста. Причем ЕСПЧ в своем постановлении уже насколько возможно ужал текст, оставив лишь то, что нужно для правильного понимания судебного акта.

Испытав искушение сократить текст решения Суда при написании данной статьи, автор решил вначале оставить лишь выводы ЕСПЧ, однако вовремя одумался, поняв, что тем самым лишил бы постановление ЕСПЧ того важного качества, которое и делает его столь значимым. Преимущество постановлений ЕСПЧ в том, что Суд пытается, прежде всего, через описание показать истину. Действительно, из одного описания в актах ЕСПЧ уже бывает видна несправедливость, и оценка Суда является лишь завершающим этапом, к которому читатель часто уже готов по мере чтения постановления. Это большое искусство — так составлять судебные акты, что любой их комментатор опасается своим пересказом обеднить восприятие.

¹ Впрочем, мы здесь освещаем лишь несколько аспектов, рекомендуем для более подробного изучения: *Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авт. / под ред. Т.Г. Морщаковой. — М., 2012; Мигеле де Сальвия. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. — Спб., 2004; Васяев А.А., Князькин С.А. Европейские стандарты справедливого судебного разбирательства по уголовным делам. — М., 2015.*

Но риск — благородное дело! Начнем с описания обстоятельств, предшествовавших возникновению дела, поскольку, прежде чем попасть в ЕСПЧ, оно достаточно долго рассматривалось в России.

В 1997 г. управлением Министерства юстиции РФ по Иркутской области была зарегистрирована некоммерческая общественная организация «Искусство жизни» (далее — Организация). Уставные цели Организации включали «содействие социальной адаптации», популяризацию здорового образа жизни, помощь людям в стрессовых ситуациях и улучшение социально-бытовых и семейных отношений. Конкретно деятельность Организации состояла из тренингов, лекций, индивидуальных консультаций и т.д. Организация приглашала всех желающих принять участие в своих программах, при этом само участие было бесплатным, хотя участникам рекомендовалось вносить добровольные взносы для поддержки деятельности Организации. Кроме того, Организация издавала брошюры с информацией о своих целях и основных принципах. В брошюрах разъяснялось, что в своей деятельности Организация руководствуется учением современного индийского духовного лидера Шри Шри Рави Шанкара. В одной из брошюр сообщалось, что участие в программах Организации поможет побороть бессонницу и депрессию, укрепить сердечно-сосудистую систему, контролировать свои эмоции и активизировать естественные защитные механизмы организма.

2 февраля 2001 г. Организация обратилась в Комитет по физкультуре и спорту Правительства Хабаровского края за получением лицензии. В феврале Комитет подтвердил Организации, что для проведения ее программ лицензия не требуется: «...Вид деятельности, осуществляемой вами, [а именно] семинары по йоге, включающие упражнения в асанах хатха-йоги, бхакти-йоги и крийя-йоги (с практикой крийя-пранаяма, т.е. дыхательной техники с использованием различных ритмов дыхания), не относится к категории видов спорта или оздоровительной гимнастики и не числится во Всероссийском реестре видов спорта».

Весной 2002 г. некая гражданка С.Д. записалась вместе со своей сестрой-близнецом Н.Д. на базовый семинар Организации под названием «Исцеляющее дыхание». Гражданка Матыцина являлась одним из инструкторов Организации, ответственным за проведение этого семинара, который включал в себя элементы йоги, специальные дыхательные техники, чтение мантр, медитацию, прослушивание музыки, ароматерапию и тому подобные практики. Участникам рекомендовалось придерживаться определенной диеты и делать упражнения дома. Заявитель (Матыцина) утверждала, что она сама регулярно делает эти упражнения с 1994 г.

С апреля 2002 г. С.Д. и ее сестра Н.Д. стали посещать ежедневные занятия в Организации. По окончании курса занятий С.Д. было предложено записаться на продвинутый курс под названием «Вечность», который вел другой инструктор, некто М.С.

В определенный момент мать С.Д. позвонила в Организацию и обвинила инструкторов в том, что они превратили ее дочь в «зомби». По словам Матыциной, мать С.Д. — ревностная православная христианка, не одобрявшая интерес своей дочери к группе, которую она называла «сектой»².

По словам матери С.Д., после занятий у ее дочери начались галлюцинации и бред, она утратила связь со своей семьей, пропускала занятия в вузе и почти полностью перестала питаться. 27 июня 2002 г. мать С.Д. вызвала неотложную психиатрическую помощь для дочери; врач сделал ей укол, который не помог. Вскоре после этого С.Д. почувствовала себя дурно и была госпитализирована.

В последующие месяцы С.Д. была госпитализирована несколько раз. Изначально ей был поставлен диагноз «реактивный психоз». Позже врачи квалифицировали ее психическое состояние как «связанное со стрессом шизоидное расстройство». Стороны разошлись во мнениях относительно того, было ли расстройство С.Д. достаточно серьезным для того, чтобы квалифицировать его как «шизофрения» в соответствии с классификацией психи-

² Проблема ответственности за сумасшествие давно известна, как и то, что при ее возложении на кого-либо легко сделать ошибку. Наиболее известным в данной области является дело семьи Сирвен, заочно приговоренных к смерти за убийство своей дочери, похищенной у них, сведенной в монастыре с ума и утопившейся в припадке безумия. Землемер Сирвен — протестант — подвергся обвинению в убийстве девушки якобы с целью воспрепятствовать ее мнимому намерению перейти в католичество. Сирвен успел бежать. Суд заочно приговорил его к сожжению, а жену его — к повешению. Только благодаря вмешательству Вольтера в деле Сирвен восторжествовала справедливость. После восьмилетних неутомимых усилий Вольтер добился пересмотра и отмены приговора.

ческих расстройств, используемой в России; последующие заключения экспертов не содержали единого мнения по этому вопросу.

По мнению врачей клиники, где С.Д. проходила лечение, ее психическое состояние было связано с участием в программах Организации, которая согласно записи, сделанной 2 июля 2002 г. в истории болезни пациентки была названа «сектой». Кроме того, в более поздних записях, сделанных в истории болезни, содержалось указание на «религиозный» характер бреда С.Д. После госпитализации врачи обследовали С.Д. в клинике и пришли к выводу, что ее заболевание имело «религиозную и оккультную природу» и было вызвано ее участием в программах Организации.

В дальнейшем, 30 июля 2003 г., следователь Управления внутренних дел Хабаровского края возбуждал уголовное дело по ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности». Следственные органы подозревали членов Организации в незаконном занятии медицинской практикой и оказании медицинских услуг С.Д. («предполагаемой потерпевшей») без необходимых лицензий и подготовки. Примечательно, что на момент возбуждения дела следственные органы никому не предъявили обвинений в совершении этого преступления.

Как пояснили российские коллеги, специализирующиеся на уголовных делах, существует порочная практика, когда уголовное дело возбуждается не против конкретного лица, а «по факту», даже когда известно лицо, которое будет обвиняться в совершении преступления. Объясняется это желанием следователя провести большую часть следственных действий без адвоката, проще говоря, чтобы защита «не мешала», не заявляла ходатайств, не предлагала других экспертов, не заявляла жалоб и ходатайств и проч.

11 августа 2003 г. следователь назначил экспертизу деятельности Организации. В частности, следователь хотел установить, оказывала ли Организация медицинские услуги участникам программ, и был ли причинен вред здоровью предполагаемой потерпевшей в результате участия в этих программах. Проведение экспертизы было поручено бюро судебно-медицинской экспертизы (далее — БСМЭ) Департамента здравоохранения администрации Хабаровского края. Была сформирована комиссия экспертов, в которую вошли д-р Черн. (председатель), д-р Мах., д-р Бес. и д-р Ч.

19 ноября 2003 г. БСМЭ представило первое заключение. Это заключение было основано только на исследовании материалов уголовного дела. В нем отмечалось, что методики, используемые Организацией в рамках ее программ, известны как в кругах научной медицины, так и в кругах альтернативной («народной») медицины. Однако в заключении не был дан ответ на вопрос о том, являются ли эти методики медицинскими. В заключении также содержался вывод о том, что заболевание предполагаемой потерпевшей, «вероятнее всего», было связано с ее участием в программах Организации.

10 декабря 2003 г. следователь поручил БСМЭ провести дополнительную экспертизу деятельности Организации. В комиссию вошли те же эксперты. Эксперты вновь не обследовали С.Д. лично и в своих выводах руководствовались письменными материалами дела. 9 апреля 2004 г. БСМЭ дало второе заключение по поручению следователя (заключение № 36), в котором опять не было дано однозначного ответа на вопрос, оказывала ли Организация медицинские услуги. БСМЭ отметило, что устав Организации и другие относящиеся к ней документы не содержат никаких указаний на медицинский характер ее программ. По мнению экспертов, необходимо проводить различие между программой «Вечность» и другими программами Организации. Кроме того, эксперты пришли к выводу, что методики, используемые Организацией, в конкретном случае были причиной психического расстройства предполагаемой потерпевшей. Базовый курс, который эксперты называли «Искусство жизни», физически ослабил предполагаемую потерпевшую, а ее дальнейшее участие в программе «Вечность» усугубило ее соматическое состояние и привело к возникновению психического расстройства.

В апреле 2004 г. следователь запросил заключение Министерства здравоохранения Хабаровского края о деятельности Организации. По этому запросу 22 апреля 2004 г. исполняющий обязанности министра здравоохранения дал следующий ответ:

«Занятие народной медициной подпадает под требование лицензирования в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности», постановления Правительства РФ от 4 июля 2002 г. № 499 «Об утверждении

Положения о лицензировании медицинской деятельности» и приказа Минздрава России от 26 июля 2002 г. № 238 «Об организации лицензирования медицинской деятельности», а также в соответствии с «Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. 22 июля 1993 г.).

Приказ Минздрава от 29 апреля 1998 г. № 142... утратил силу. В настоящее время перечень услуг по оказанию медицинской помощи... содержится в Приказе от 26 июля 2002 г. № 238.

Дыхательные техники и другие методы, указанные в перечне услуг по оказанию медицинской помощи, а также гипнотическое внушение относятся к категории «медицинской деятельности» и подлежат лицензированию в разделе «Психотерапия» на основании:

(1) приказа Минздрава России от 16 сентября 2003 г. № 438 «О психотерапевтической помощи»;

(2) Методических рекомендаций... в приложении к приказу № 438;

(3) Психотерапевтической энциклопедии под редакцией Б.Д. Карвасарского (2002).

Использование трансовых состояний в рамках эриксоновской психотерапии считается медицинской практикой. Однако этот метод не используется в программе «Искусство жизни»; [эта программа основана на использовании] релаксации с помощью традиционной медитации в рамках духовных практик, что не требует наличия лицензии.

Физические упражнения в асанах [позах] йоги не являются медицинской деятельностью и не подпадают под требование лицензирования.

Термин «частная медицинская практика» включает в себя как медицинские услуги, так и услуги народной медицины, так что эти понятия отличаются».

23 апреля 2004 г. следователь назначил новую экспертизу деятельности Организации. Ее проведение было поручено д-ру А., главному психотерапевту управления здравоохранения администрации г. Хабаровска. Следователь также просил разъяснить, принадлежат ли определенные практики (например, «дыхательная гимнастика», «гипнотическое внушение», «физические упражнения в асанах йоги» и «введение в транс») к методам народной медицины, и требуется ли для них лицензия на осуществление медицинской деятельности.

Заключение было подготовлено 5 мая 2004 г. Эксперт указал в своем заключении, что «позы йоги» не являются «медицинской деятельностью» и не требуют лицензирования. В отношении «дыхательной гимнастики» и «гипнотического внушения» эксперт подтвердил, что они являются хорошо известными психотерапевтическими методами, но они не использовались в деятельности Организации. Элементы этих программ могут использоваться врачами в качестве дополнительных методов психотерапевтической помощи; однако программы «Искусство жизни», по мнению эксперта, не имели медицинского назначения, не были направлены на лечение заболеваний и, следовательно, не были «медицинскими».

12 августа 2004 г. следователь назначил «судебно-правовую экспертизу» деятельности Организации. Ее проведение было поручено Министерству здравоохранения Хабаровского края. 23 ноября 2004 г. Новый эксперт — д-р Ив., врач-психиатр и главный психиатр управления здравоохранения Правительства Еврейской автономной области, подготовила заключение, в котором она сделала вывод о том, что деятельность Организации носила «медицинский» характер и, таким образом, требовала лицензирования.

Получив такое экспертное заключение, следователь 26 ноября 2004 г. официально предъявил обвинение Матвеевой. На первом допросе она не признала себя виновной.

16 декабря 2004 г. сторона защиты получила заключение, подготовленное четырьмя специалистами Красноярской Государственной медицинской академии (в числе которых был один профессор медицины). Специалисты обследовали 118 человек, принимавших участие в программах «Искусство жизни» не менее трех месяцев, и пришли к выводу, что большинство людей в группе испытуемых отметили ряд положительных эффектов от участия в программах, включая ослабление хронических заболеваний, восстановление психологического равновесия и повышение эффективности в работе. В заключении подчеркивалось, что «умеренная и последовательная практика йоги в рамках программ «Искусство жизни» не является несовместимой с хроническими заболеваниями или преклонным возрастом и может быть рекомендована в целях восстановления после травм, хирургических операций и заболеваний».

27 декабря 2004 г. защитник попытался реализовать средство по опровержению ранее проведенной экспертизы и заявил следователю ходатайство о проведении дополнительной судебно-медицинской экспертизы. Как и следовало ожидать, 28 декабря 2004 г. следователь ответил, что все необходимые экспертизы уже проведены, вина обвиняемой установлена, и в проведении дополнительных экспертиз нет никакой необходимости.

Однако это не помешало следователю 5 марта 2005 г. поручить провести еще одну экспертизу деятельности Организации д-ру Ив. — тому самому единственному специалисту, который признал практики Организации медицинской деятельностью, подлежащей лицензированию. Заключение было подготовлено 1 апреля 2005 г. Оно было основано на письменных материалах дела. Д-р Ив. сочла, что деятельность Организации можно охарактеризовать как занятие «народной медициной», требующее наличия лицензии. По мнению эксперта, деятельность Организации носила медицинский характер.

В апреле 2005 г. защита заявила следователю ходатайство о допросе ряда свидетелей, чтобы разрешить вопрос о том, есть ли необходимость в проведении еще одной психиатрической экспертизы потерпевшей. 29 апреля 2005 г. следователь отказал защите, заявив, что личность потерпевшей уже тщательно изучена, и что следователь уже получил заключение эксперта и допросил д-ра Иг., одного из членов комиссии экспертов.

1 июля 2007 г. профессор З. из Дальневосточного государственного медицинского университета в г. Хабаровске дал заключение по просьбе адвоката заявителя. Профессор З. подверг критике предыдущие экспертизы, квалифицирующие деятельность Организации как «медицинскую». Он утверждал, что элементы программ Организации могут быть найдены во многих традиционных методиках, таких как йога, цигун и различные боевые искусства. Он также поставил под сомнение предыдущие заключения экспертов о том, что психическое состояние С.Д. было вызвано участием в программах Организации. Профессор З. предположил, что ее интерес к деятельности и идеям Организации мог быть обусловлен ее психическим расстройством.

Адвокат заявителя обратился в Независимую психиатрическую ассоциацию России (далее — НПА) с про-

сьбой дать оценку заключению экспертов, подготовленному 25 июля 2003 г. Адвокат заявителя передал НПА копии некоторых материалов уголовного дела, в том числе заключения экспертов и свидетельские показания эксперта д-ра Иг.

17 января 2006 г. группа экспертов НПА, состоящая из двух психиатров, д-ра Сп. и д-ра Сав., и одного психолога, д-ра Вин., представила письменное заключение, в котором они подвергли критике методику проведения экспертизы от 25 июля 2003 г., результатом которой стало заключение, выразили сомнение в обоснованности заключения и признали его недостаточно полным.

Затем дело было передано в суд. Дело Матыциной рассматривал судья Ш. Центрального районного суда г. Хабаровска.

На суде заявитель и М.С., второй ответчик, не признали себя виновными. Они подтвердили, что ни у них, ни у других инструкторов Организации нет дипломов о медицинском образовании. Они также подтвердили, что предполагаемая потерпевшая была их ученицей и что у нее были проблемы со здоровьем после завершения двух программ. Однако они отрицали причинение какого-либо вреда предполагаемой потерпевшей и настаивали, что ее психическое расстройство было обусловлено уже имеющимся у нее заболеванием или иными жизненными обстоятельствами.

В частности, они утверждали, что и предполагаемая потерпевшая, и ее сестра родились и выросли в очень небогатой семье, обеих с трудом воспринимали в школе, у них были сложные отношения с матерью. Несколько членов семьи предполагаемой потерпевшей ранее страдали психическими расстройствами, поэтому ее собственные проблемы можно объяснить наследственной предрасположенностью. Она начала заниматься по программе Организации из-за собственных социальных и психологических проблем.

Защита также заявила, что программы Организации не являются «медицинскими» по своему характеру и, следовательно, не требуют никакого специального образования или лицензии. Назначение этих программ — помочь людям достичь гармонии с обществом и душевного комфорта, открыть для себя истинный смысл жизни и т.д.

23 июля 2007 г. Центральный районный суд г. Хабаровска оправдал Матыцину и М.С. В частности, суд при-

шел к выводу, что они не представляли, что их деятельность может относиться к медицинской практике или что их деятельность может причинить вред здоровью. Суд также постановил, что программы Организации не являются медицинской практикой.

Суд не принял в качестве доказательств заключения экспертов от 25 июля 2003 г., 19 ноября 2003 г., 9 апреля 2004 г. и 1 апреля 2005 г. как недостаточно полные, противоречивые и недостаточно обоснованные. Суд также выявил ряд нарушений в том, как эти экспертизы были назначены и проведены. Что касается экспертизы д-ра Ив. (заключения от 23 ноября 2004 г. и 1 апреля 2005 г.), суд отметил, в частности, что в ее основу были положены законодательные акты, которые вступили в силу после событий, вменяемых Матыциной и М.С.

Суд отказал в принятии в качестве доказательства заключение профессора З., поскольку оно было получено, по мнению суда, с нарушением положений УПК РФ, в частности, потому, что профессор З. не был предупрежден следователем или судом об уголовной ответственность за дачу ложного заключения³.

Сторона обвинения обжаловала решение суда первой инстанции. 20 декабря 2007 г. Хабаровский краевой суд удовлетворил жалобу: отменил оправдательный приговор и вернул дело в суд первой инстанции. Краевой суд не согласился с оценкой доказательств судом первой инстанции и с его решением признать некоторые доказательства недопустимыми, в частности, заключения экспертов. Хабаровский краевой суд также указал на ряд процессуальных нарушений в ходе судебного разбирательства и, среди прочего, рекомендовал суду первой инстанции назначить новые психиатрические экспертизы в отношении предполагаемой потерпевшей С.Д.

В ходе нового разбирательства дело рассматривалось Центральным районным судом г. Хабаровска в составе одного судьи З. При рассмотрении дела защита ходатайствовала об исключении из доказательств заключений экспертов, полученных стороной обвинения, на том основании, что М.С. (второй ответчик) ничего не было известно о решении следователя провести эти экспертизы.

В этом ходатайстве было отказано на том основании, что защита имела возможность заявить отвод экспертам и оспорить их выводы после того, как их заключения были подготовлены, или потребовать проведения дополнительных экспертиз в ходе судебного разбирательства.

Защита заявила ходатайство о назначении дополнительной экспертизы состояния здоровья С.Д. (потерпевшей), а прокурор ходатайствовал о назначении повторной экспертизы материалов дела, чтобы определить, оказывались ли в рамках программ Организации медицинские услуги. Защита ходатайствовала перед судом о поручении этой экспертизы государственному учреждению, расположенному в Москве, но судья отказал в этом и поручил ее проведение местному экспертному центру в Хабаровске. Однако суд согласился включить в число экспертов специалиста, предложенного защитой. Материалы дела были направлены в компетентное экспертное учреждение для производства экспертизы.

14 апреля 2009 г. материалы были возвращены в суд без проведения экспертизы. Экспертное учреждение пояснило, что ответить на поставленные вопросы не представлялось возможным, так как судья сформулировал их в слишком общих выражениях, и что для проведения такого рода экспертизы требуются дополнительные эксперты.

Позже по неизвестным причинам судья З. отказался от участия в судебном процессе и его заменил судья М.

При продолжении слушания 3 июня 2009 г. сторона обвинения заявила, что она согласна прекратить дело в связи с истечением срока давности уголовного преследования обвиняемых. Воспользовавшись своим правом, Матыцина и М.С. ходатайствовали о продолжении судебного разбирательства, заявив о намерении доказать свою невиновность. 7 декабря 2009 г. судья М. допросил двух экспертов — д-ра Ч. (который участвовал в подготовке заключений № 197 и № 36) и д-ра Н. (который участвовал в подготовке заключения № 1170). В ходе допроса д-р Ч. заявил, в частности, что пробелы предыдущих экспертиз можно восполнить, проведя еще одну психиатрическую экспертизу С.Д. Второй эксперт был такого же мнения.

³ Всегда удивляет категоричное отклонение внесудебных экспертиз, даже в тех случаях, когда в экспертизе эксперт заявил о том, что ему известно об ответственности за дачу ложного заключения. Непонятно, почему суд не может отобрать у такого эксперта расписку об ознакомлении с уголовной ответственностью за дачу ложного заключения вместо того, чтобы отказываться принимать это заключение во внимание.

Защита заявила, что проведенные ранее экспертизы были непоследовательными и не содержали ответы на некоторые важные вопросы и ходатайствовала перед судом о назначении дополнительной экспертизы для выяснения причин психического расстройства С.Д. и его связи с ее участием в программах Организации. Это ходатайство было отклонено по мотиву того, что «полученных ранее заключений достаточно, чтобы сделать вывод по существу дела». 25 декабря 2009 г. Центральный районный суд г. Хабаровска признал заявителя и гр. М.С. виновными в соответствии с ч. 1 ст. 235 Уголовного кодекса РФ (осуществлении медицинской деятельности без лицензии).

В основание решения были положены, в том числе, заключения экспертов, а именно, заключения экспертов от 25 июля 2003 г. (№ 1170), 19 ноября 2003 г. (№ 197) и 9 апреля 2004 г. (№ 36), заключение эксперта д-ра Ив. от 1 апреля 2005 г. и протокол допроса д-ра Иг. у следователя и устные показания экспертов д-ра Н. и д-ра Ч., данные в ходе судебного разбирательства.

Заключения специалистов, представленные защитой, суд признал недопустимыми доказательствами. В частности, районный суд постановил, что заключения профессора З. и НПА являются недопустимыми на том основании, что они были получены в нарушение ст. 58, 251, 270 УПК РФ. Суд пояснил, что в соответствии с действующим законодательством, «сторона по делу не может по собственной инициативе и вне судебного заседания запрашивать и получать заключение специалиста».

Районный суд приговорил Матыщину к двум годам лишения свободы; однако она была освобождена от отбывания наказания в связи с истечением соответствующего срока давности, установленного законом. М.С. была приговорена к одному году и шести месяцам тюремного заключения.

Защита обжаловала решение районного суда. В частности, ответчики заявили, что судья М. положил в основу решения показания свидетелей, которых суд не допросил непосредственно в судебном заседании. Они также обжаловали отказ суда первой инстанции принять в качестве доказательств заключения специалистов, представленные стороной защиты, и назначить новую экспертизу состояния здоровья С.Д. 25 марта 2010 г. Хабаровский краевой суд оставил обвинительный приговор в

силе. Суд апелляционной инстанции не выявил нарушений норм материального права или норм процессуального права при рассмотрении дела судом первой инстанции.

Затем была подана жалоба в ЕСПЧ на то, что судебное разбирательство по делу не было справедливым, и что защита была поставлена в невыгодное положение по сравнению с обвинением в части принятия и исследования доказательств (п. 1 и 3 (г) ст. 6 Конвенции). В частности, предметом жалобы была несправедливость при отборе и исследовании «экспертных доказательств». В жалобе утверждалось, что районный суд принял для исследования заключения экспертов обвинения, в то время как заключения и мнения специалистов, предложенных стороной защиты, суд не принял как недопустимые.

При рассмотрении жалобы ЕСПЧ тщательно проанализировав применимое право (УПК РФ) в области проведения экспертиз и собирания доказательств, особое внимание обратив на то, как урегулировано собирание доказательств стороной защиты.

В частности, ЕСПЧ отметил, что редакция УПК РФ, действовавшая до 2002 г., предусматривала, что полномочиями по сбору доказательств обладают следственные органы, а новая редакция УПК РФ уже признавала право защиты на собирание доказательств, хотя и с немаловажными ограничениями. Так, в ч. 2 ст. 53 УПК РФ предусматривается, что защитник вправе «собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 настоящего Кодекса». Среди других прав защитника в ч. 3 ст. 53 указано право «привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 настоящего Кодекса». Однако это не позволяет защите поручать подготовку «заключений экспертов» и подготавливать их.

В статье 86 УПК РФ в ее новой редакции правила собирания доказательств сформулированы следующим образом:

«1. Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства... следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. [Обвиняемый] и [его] представители вправе собирать и представлять письменные документы... для общения их к уголовному делу в качестве доказательств.

3. Защитник вправе собирать доказательства путем:
- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
 - 2) опроса лиц с их согласия;
 - 3) истребования... документов от органов государственной власти... и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

ЕСПЧ также отметил, что право защитника получать экспертные доказательства определено в п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «...3. Адвокат вправе (4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием [адвокатом] юридической помощи». Кроме того, ч. 4 ст. 271 УПК РФ предусматривает, что суд не вправе отказать в допросе лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе одной или другой стороны.

Российские власти в своем меморандуме, направленном в ЕСПЧ, указывали, что нарушения положений Конвенции не было. В частности, было отмечено, что равенство защиты и обвинения перед судом не означает, что защита имеет неограниченный выбор средств для предоставления доказательств по делу: «так, УПК РФ определяет формы, в которых защита может представлять экспертные доказательства. Ст. 197–207, 283 УПК РФ и ст. 19–25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусматривают, что судебная экспертиза в государственном судебно-экспертном учреждении производится по постановлению лица, производящего дознание или следователя, прокурора или по определению суда. Защита не имеет права обращаться в такое учреждение за производством экспертизы».

По мнению российских властей, у защиты существовал целый набор процессуальных гарантий, обеспечивающих участие стороны защиты в судебной экспертизе, например путем заявления ходатайства следователю о назначении судебной экспертизы. После назначения экспертизы сторона защиты может получить копию постановления следователя, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении и заявлять от-

вод экспертам, отвечающим за производство экспертизы, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту и т.д. Защита также может оспорить в суде действия или бездействие следователя. В случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта защита может ходатайствовать о назначении дополнительной экспертизы или повторной экспертизы по тому же вопросу в другом экспертном учреждении. Соответственно, по мнению российских властей, защита реализовала все эти права в ходе судебного разбирательства.

ЕСПЧ в своем анализе подчеркнул, что свидетели и эксперты играют разную роль в процессе и имеют различный статус. «Эксперты» не могут в полной мере быть приравнены к «свидетелям», по крайней мере, не во всех смыслах (см. постановление по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» («Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia»), жалобы № 11082/06, № 13772/05, п. 711, 25 июля 2013 г.). Поэтому при анализе вопроса о том, была ли необходима явка эксперта в суд, ЕСПЧ в первую очередь руководствуется принципами, закрепленными в концепции «справедливого судебного разбирательства» в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции, и, в частности, гарантиями «состязательности» и «равенства процессуальных возможностей»⁴.

ЕСПЧ также отметил, что некоторые его правовые позиции по вопросу допроса «свидетелей» в судебном заседании в соответствии с п. 3 (г) ст. 6, без сомнения, актуальны в случае исследования экспертных доказательств и могут применяться, *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями), с учетом разницы в статусе и роли экспертов и свидетелей (см. постановление по делу «Бёниш против Австрии» («Bönisch v. Austria») от 6 мая 1985 г., п. 29, Серия А № 92, с последующими ссылками).

Решение вопроса о том, допустимо ли то или иное доказательство, является задачей, прежде всего, национальных судов (см. постановление Большой Палаты по делу «Гарсия Руис против Испании» («Garcia Ruiz v. Spain»), жалоба № 30544/96, ЕСПЧ 1999-I, п. 28). Точно так же в соответствии со ст. 6 обычно в функции ЕСПЧ не входит выяснение того, являлось ли то или иное заключение

⁴ Иногда применяется термин «равенство оружия». См. подробнее: Рожкова М.А., Глазкова М.Е. Аспекты права на суд: новейшие тенденции // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М., 2015. С. 206–209.

эксперта, имевшееся в распоряжении национального суда, достоверным или нет, это больше прерогатива национального суда. Однако правила о допустимости доказательств могут иногда идти вразрез с принципами равенства процессуальных возможностей сторон и состязательности процесса или иным образом повлиять на справедливость судебного разбирательства (см., например, постановление по делу «Тамминен против Финляндии» («*Tamminen v. Finland*»), жалоба № 40847/98, п. 40–41, 15 июня 2004 г.). Применительно к экспертным доказательствам правила об их допустимости не должны лишать сторону защиты возможности эффективно оспорить их, в частности, путем приобщения к делу или получения других мнений и заключений. При определенных обстоятельствах отказ в праве провести альтернативную экспертизу вещественных доказательств может рассматриваться как нарушение п. 1 ст. 6 (см. постановление по делу «Стоименов против бывшей югославской Республики Македония» («*Stoimenov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*»), жалоба № 17995/02, п. 38 и следующие, 5 апреля 2007 г.).

ЕСПЧ в постановлении по делу Матыциной отметил, что все заключения экспертов, на которых было основано судебное решение, были получены следователем на стадии досудебного расследования. В случаях, когда следователь назначает экспертизу, ст. 198 УПК РФ дает защите право на участие в подготовке экспертизы: защита может предлагать экспертов, ставить перед ними вопросы и так далее. Тот факт, что защита может играть определенную роль в подготовке заключения на этой ранней стадии, является важной процессуальной гарантией. Однако в данном деле защита не имела такой возможности, так как заключения экспертов были получены до того, как заявитель приобрела статус обвиняемой в рамках этого разбирательства. К тому моменту, когда заявителю были официально предъявлены обвинения, следователь уже получил несколько заключений экспертов, а именно, заключения № 1170, № 197, № 36, ссылка на которые содержится во вступившем в силу судебном решении, а также два заключения, которые не упомянуты в решении суда: заключение д-ра А. (от 5 мая 2004 г.) и первое заключение д-ра Ив. (от 23 ноября 2004 г.). ЕСПЧ отметил, что защита пыталась добиться назначения дополнитель-

ной судебной экспертизы потерпевшей. Однако в этой связи следователь дал краткий ответ в том смысле, что в дополнительных экспертизах необходимости нет.

Итак, когда началось судебное разбирательство, суд имел в своем распоряжении только заключения экспертов, полученные стороной обвинения без участия стороны защиты. Само по себе это не противоречит Конвенции при условии, что в ходе судебного процесса у защиты имелись соответствующие процессуальные инструменты для того, чтобы исследовать эти доказательства и эффективно оспорить их в судебном заседании.

ЕСПЧ обратил внимание на то, что психическому состоянию С.Д. посвящено заключение № 1170, которое к тому же было единственным заключением, основанным на непосредственном обследовании предполагаемой потерпевшей; все последующие экспертизы были основаны исключительно на материалах дела. Таким образом, доказательная ценность заключения № 1170 была особенно высокой.

ЕСПЧ в своем постановлении указал, что защита была хорошо осведомлена о содержании этого заключения, а значит, могла подвергнуть его выводы критике в суде. В то же время права защиты этим не ограничивались. В соответствии с обширной прецедентной практикой Европейского Суда, защита должна иметь право изучать и ставить *под сомнение не только заключения экспертов как таковые, но и добросовестность лиц, подготовивших эти заключения, подвергая их прямому допросу*. (См. среди прочих источников, постановления по делам «Брандштеттер против Австрии» («*Brandstetter v. Austria*») от 28 августа 1991 г., п. 42, Серия А, № 211; «Доорсон против Нидерландов» («*Doorson v. the Netherlands*») от 26 марта 1996 г., п. 81–82, Сборник судебных решений, 1996-II; и «Мирилашвили против Российской Федерации» («*Mirilashvili v. Russia*»), жалоба № 6293/04, п. 158, 11 декабря 2008 г.)

Заключение № 1170 подготовили три эксперта. Один из них, д-р Гул., ни разу не дал показаний в судебном заседании по причинам, которые остаются неизвестными. Еще один член группы экспертов, д-р Н., давала показания в судебном заседании под председательством судьи М. Однако, как следует из ее устных показаний в суде, она считала, что у экспертов имеется неполная информация о характере и истории болезни С.Д., и что

выводы заключения № 1170 основаны на предположениях. В ходе нового разбирательства дела она высказала мнение о необходимости проведения еще одной психиатрической экспертизы С.Д. с целью восполнения пробелов, имеющих в первом заключении. ЕСПЧ на основании изложенного пришел к выводу, что устные показания д-ра Н. не подтверждали в достаточной мере версию обвинения по делу и даже противоречили ей.

При таких обстоятельствах защите было крайне важно лично допросить д-ра Иг. — единственного эксперта, которая на допросе у следователя твердо заявила, что, по ее мнению, между психическим расстройством С.Д. и ее участием в программах Организации есть прямая причинная связь. Кроме того, ЕСПЧ подчеркнул, что д-р Иг. выступила в роли докладчика комиссии экспертов, которая подготовила заключение № 1170. Поэтому личный допрос д-ра Иг. был важен для толкования выводов этого заключения. Соответственно, ЕСПЧ сделал вывод, что отсутствие д-ра Иг. в суде стало серьезным препятствием для защиты.

В то же время ЕСПЧ отметил, что перекрестный допрос экспертов в ходе процесса не был единственным инструментом в распоряжении защиты для оспаривания заключения № 1170. Еще одно направление действий, к которым могла прибегнуть защита, состояло в том, чтобы добиться назначения новой судебной экспертизы С.Д. Защита предприняла такую попытку 7 декабря 2009 г. В обоснование своего ходатайства защита сослалась на разъяснения д-ра Н. и д-ра Ч., которые ранее в тот же день дали показания в суде, указав на целесообразность проведения новой психиатрической экспертизы предполагаемой потерпевшей. Однако суд отказался назначить новую экспертизу.

ЕСПЧ отметил, что в случаях, когда защита ходатайствует перед судом о проведении повторной экспертизы по тому или иному вопросу, а также в случаях, когда защита пытается представить заключение другого специалиста по тем или иным вопросам, оценка того, будет ли это служить какой-либо полезной цели, является задачей, прежде всего, национального суда (см. постановление по делу «Н. против Франции» («N. v. France») от 24 октября 1989 г., п. 60–61, Серия А, № 162-А). С другой стороны, ЕСПЧ имеет в этой области контрольные полно-

мочия: в исключительных случаях необходимость получения еще одного экспертного заключения по тому или иному важному аспекту дела может быть само собой разумеющейся, и отказ суда получить экспертные доказательства по ходатайству защиты может сделать судебное разбирательство несправедливым (см., например, постановление по делу «G.B. против Франции» («G.B. v. France»), жалоба № 44069/98, п. 69, ЕСПЧ 2001-X).

ЕСПЧ счел, что с учетом обстоятельств данного дела, в котором защита не участвовала в подготовке первого заключения эксперта, при том, что главный эксперт обвинения так и не был допрошен стороной защиты (в открытом судебном заседании или в иной форме), и при том, что два других специалиста в соответствующей области дали устные показания, в которых рекомендовали провести еще одну психиатрическую экспертизу С.Д., отказ национального суда назначить такую экспертизу являлся сомнительным. Этот вывод подтверждается тем фактом, что в ходе первого разбирательства дела, которое завершилось оправданием заявителя, суд отказался рассматривать спорное заключение эксперта, которое было использовано против заявителя в ходе нового разбирательства дела. Хотя судья в ходе нового разбирательства дела не был связан решением своего предшественника, безоговорочное использование этого заключения в ходе нового разбирательства без рекомендованной двумя специалистами дополнительной проверки, представляется неоправданным.

Наконец, ЕСПЧ указал, что у защиты имелась еще одна возможность опровергнуть выводы экспертных заключений, а именно, защита могла приобщить к материалам дела заключение, подготовленное привлеченными защитой специалистами (в противовес экспертам, назначенным стороной обвинения или судом). ЕСПЧ отметил, что в 2006 г. защита обратилась в НПА с просьбой дать заключение и представила его в суд в форме «письменного заключения специалистов». В заключении, подготовленном НПА, выводы заключения № 1170 были подвергнуты критике; таким образом, заключение НПА имело прямое отношение к вопросу о том, было ли психическое расстройство С.Д. вызвано ее участием в программе Организации. Однако районный суд отказался принять во внимание заключение НПА на том осно-

вании, что оно якобы было получено в нарушение статей 58, 251 и 270 УПК РФ. Суд пояснил, что в соответствии с действующим законодательством, «сторона по делу не может по собственной инициативе и вне судебного заседания запрашивать и получать заключение специалиста».

ЕСПЧ не оспаривает того, что принцип «равенства процессуальных возможностей», закрепленный в УПК РФ, не требует того, чтобы защита имела точно такие же права, что и сторона обвинения в том, что касается собирания доказательств. Способы собирания доказательств, которые могут использовать защита и обвинение, нередко отличаются (см. постановление по делу «Мирилашвили против Российской Федерации» п. 225). Тем не менее важно, чтобы эти различия не ставили сторону защиты в конечном итоге в невыгодное положение по сравнению с обвинением. Правила принятия и представления доказательств в суде не должны лишать защиту возможности осуществлять свои права, гарантированные ст. 6 Конвенции. В постановлении по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (№ 2) (п. 731), Европейский Суд подчеркнул: *«Оспорить заключение эксперта без помощи другого специалиста в соответствующей области может быть затруднительно. Таким образом, простого права защиты ходатайствовать перед судом о назначении еще одной экспертизы не достаточно. Для эффективной реализации этого права защита должна иметь аналогичную возможность представлять свои собственные экспертные доказательства».*

ЕСПЧ отметил, что в соответствии с законодательством Российской Федерации защита не обладает теми же правами, что и сторона обвинения, в части получения заключений экспертов. «Судебная экспертиза» может быть проведена либо по постановлению следователя (который является основным процессуальным оппонентом защиты), либо через суд. Защита лишь может ходатайствовать о производстве судебной экспертизы, предлагать экспертов, а также вопросы для постановки перед экспертами. Право назначать экспертизу, выбирать экспертов, предоставлять в их распоряжение оригиналы материалов и вещественные доказательства и формулировать вопросы принадлежит

следователю или судье. Судя по обстоятельствам данного дела, *сторона обвинения и суд могут отклонить ходатайство о производстве дополнительной экспертизы в отношении того или иного лица или вопроса без особых объяснений, мотивируя отказ тем, что, по их мнению, в деле для них и без того все ясно*⁵.

Другая возможность состоит в том, что защита может обращаться за помощью к «специалистам». Однако очевидно, что статус «специалиста» в российском законодательстве отличается от статуса «эксперта». Хотя специалист может «разъяснять сторонам и суду вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию», его основная функция заключается в оказании помощи суду и сторонам в проведении следственных действий, которые требуют специальных навыков или знаний. Это различие между «экспертом» *stricto sensu* (в строгом смысле слова) и «специалистом» хорошо продемонстрировано в постановлении № 28 Пленума Верховного Суда.

Хотя это постановление было вынесено через несколько месяцев после окончания судебного разбирательства по делу Матыциной, в нем приводится разъяснение той же нормы права, которая была применена в ее деле, и оно отражает толкование Верховным Судом РФ статуса «специалиста» в соответствии с УПК РФ. Так, мнение «специалиста» не может заменить полноценную экспертизу по делу, проведенную экспертом, специалист не проводит исследование вещественных доказательств; он может высказать лишь «суждение», в то время как эксперт формулирует «выводы» (см. п. 20 постановления). Если требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке или технике, суд должен назначить «эксперта», а не «специалиста». В целом, хотя заключения «специалиста» и «эксперта» могут использоваться в качестве доказательств по делу и оба они могут быть специалистами в той или иной области, роль специалиста и значимость его заключения не идентичны, по мнению Верховного Суда РФ, роли «эксперта» и значимости его заключения.

Защита представила письменное заключение НПА, чтобы оспорить заключения экспертов, представленные обвинением. Однако суд первой инстанции отказался принять во внимание заключение НПА на том основании,

⁵ Чем отличается такая мотивировка от произвола, остается загадкой.

что оно якобы было получено в нарушение действующих процессуальных норм. В обоснование этого вывода судья М. сослался на три нормы УПК РФ: ст. 58, 251, 270. Судья М. в своем судебном акте так и не объяснил, как именно эти нормы были нарушены.

Ознакомившись с содержанием данных норм, ЕСПЧ так и не смог понять, почему эти нормы должны были помешать суду приобщить письменное заключение НПА к материалам дела. Так, ст. 58 не запрещает защите получать письменные заключения «специалистов», по крайней мере, прямо это не запрещено. Статьи 251 и 270 не имеют прямого применения в данном случае, так как они касаются допроса специалиста в судебном заседании, а не исследования его письменного заключения.

С другой стороны, ЕСПЧ отметил, что судья М. постановил, что «ни одна из сторон не может по собственной инициативе и вне судебного заседания запрашивать и получать заключение специалиста». Пытаясь понять судью, ЕСПЧ отметил, что действительно, ч. 3 ст. 53 УПК РФ содержит ссылку на ст. 58, в которой в свою очередь содержится ссылка на ст. 168 и ст. 270 УПК РФ, регламентирующие участие специалистов по требованию обвинения или суда, но ЕСПЧ так и не смог связать ст. 58 УПК РФ с ч. 3 ст. 53 и ст. 86 УПК РФ, а также с подп. 4 п. 3 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые предусматривают, что защита может воспользоваться услугами специалиста в рамках уголовного судопроизводства.

Так и не поняв логики судьи, ЕСПЧ отметил, что в его задачи не входит разъяснение того, как следует понимать национальное законодательство *in abstracto* (вне связи с реальными обстоятельствами) и констатировал, что судья М. истолковал положения УПК РФ как запрещающие защите получать письменные заключения специалистов иначе, чем по постановлению стороны обвинения или суда. Такое толкование лишило защиту возможности получить и представить письменные заключения «специалистов», чтобы поставить под сомнение письменные заключения «экспертов», собранные и представленные обвинением.

ЕСПЧ подчеркнул, что различие между процессуальными статусами «специалиста» и «эксперта» в российском праве не приводит во всех случаях автоматически к нарушению п. 1 ст. 6, поскольку у национального законодателя имеются полномочия для установления определенных правил в отношении того, как защита может собирать и представлять свои собственные экспертные доказательства в суде. Однако в данном случае различие между указанными статусами в сочетании с другими ограничениями, связанными с экспертными доказательствами, с которыми защита сталкивалась в ходе всего процесса, поставило защиту в конечном итоге в невыгодное положение по сравнению с обвинением. ЕСПЧ отметил, что экспертные доказательства играли ключевую роль в версии обвинения, но при этом главный эксперт обвинения д-р Иг. ни разу не была допрошена защитой, защита не участвовала в процессе получения заключений экспертов на стадии расследования.

«Обвинение и суд отказали защите *в общих выражениях*⁶ в проведении дополнительной экспертизы вопреки мнению двух специалистов, допрошенных в ходе судебного разбирательства, и вопреки позиции суда, выраженной в ходе первого разбирательства дела». Наконец, защита практически не имела возможности поставить под сомнение эти заключения, используя собственные контрдоказательства. Защита имела лишь возможность обратиться за помощью «специалистов», чей статус ниже, чем у «экспертов». Кроме того, защите не было разрешено приобщить к делу письменные заключения «специалистов» в суде, в то время как обвинение и суд опирались на письменные заключения «экспертов», собранные следователем на стадии досудебного расследования. ЕСПЧ пришел к выводу, что при оценке экспертных доказательств, касающихся психического состояния С.Д., защита была поставлена в настолько невыгодное положение по сравнению с обвинением, что это не может быть совместимо с требованиями принципа равенства процессуальных возможностей сторон в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции.

Затем ЕСПЧ обратился к экспертным доказательствам по второму вопросу, поднятому в данном деле, а именно,

⁶ *Насколько все-таки ЕСПЧ дипломатичен и искусен в использовании мягких формулировок! Фактически же термин «в общих выражениях» указывает на немотивированный, произвольный отказ защите. Наверное, это оправданно, поскольку всегда легче признать ошибку, когда на нее указано без резких оценок. Негативная оценка может просто включить механизм — «прав во чтобы то ни стало»... Вольтер мудро сказал об этом: «Опасно быть правым, когда правительство ошибается».*

носила ли деятельность Организации «медицинский» характер. Оценивая справедливость процесса в данной части, ЕСПЧ в достаточно в мягких формулировках указал, что он не убежден в том, что принцип равенства процессуальных возможностей сторон был соблюден в том, что касается второй группы экспертных доказательств.

ЕСПЧ также отметил, что защита была не в состоянии поставить под сомнение выводы д-ра Ив., представив противоположное заключение профессора З. (которое содержало в себе определение понятия «медицинская деятельность»). Суд отказался допустить это заключение в качестве доказательства по той же самой причине, по которой не принял заключение НПА. Таким образом, защита не имела возможности «активно защищаться»: представить письменные заключения своих «специалистов» и, в любом случае, заключение «специалиста» имело бы меньшую значимость, нежели заключение «эксперта».

Рассматривая вторую группу экспертных доказательств, ЕСПЧ особое внимание обратил на подход обвинения и суда к работе с заключением эксперта д-ра А., которое было получено на стадии досудебного расследования по инициативе следователя. Заключение д-ра А. было явно благоприятным для защиты. Однако ни в одном из двух решений, вынесенных по этому делу, это заключение даже не упоминается. На основании этого ЕСПЧ сделал вывод, что заключение д-ра А. либо не было представлено в суде, либо оно было представлено, но суды проигнорировали его.

Соответственно ЕСПЧ не мог не отметить, что *при любом из этих вариантов власти нарушили основополагающие принципы справедливого судебного разбирательства, напомнив свои правовые позиции, в которых отмечалось, что обвинение должно раскрывать перед защитой «все имеющиеся в распоряжении обвинения существенные доказательства в пользу или против обвиняемого»* (см. среди прочих источников см. постановление по делу «Эдвардс против Соединенного Королевства» («*Edwards v. the United Kingdom*») от 16 декабря 1992 г., п. 36, Серия № 247-В). Принцип раскрытия оправдательных доказательств требует от обвинения передавать такие доказательства суду для исследования. Этот принцип не имел бы никакого смысла, если бы судам было позволено не принимать такие доказательства во внимание и даже не упоминать их в своих решениях.

ЕСПЧ не обошел вниманием, что защита пыталась представить заключение д-ра А. в другой форме: так, в ходе первого разбирательства (которое завершилось оправданием заявителя) д-р А. был допрошен в качестве «специалиста». Однако в ходе нового разбирательства устные заявления д-ра А. были исключены из доказательной базы на том основании, что д-р А. уже участвовал в этом процессе в качестве «эксперта». Возникла удивительная ситуация: само экспертное заключение судом не оценивалось, но на основании факта составления экспертного заключения было отказано в принятии в качестве доказательств устных показаний д-ра А., в результате чего заключение д-ра А. не было исследовано в суде ни в какой форме, что нанесло ущерб интересам защиты.

По мнению ЕСПЧ, исключение заключения д-ра А. из доказательной базы было особенно неуместным в свете непоследовательного подхода судов к работе с экспертными доказательствами: «судья З., который принял дело из суда апелляционной инстанции, считал необходимым проведение новой экспертизы по вопросу о том, носит ли деятельность Организации «медицинский» характер. Однако судья М., который сменил судью З., продолжил рассмотрение дела, не получив заключение, которое ранее запросил судья З.».

ЕСПЧ отмечает, что у судьи М. было несколько возможностей: например, он мог бы поручить провести новую экспертизу по делу, мог позволить защите представить письменное заключение одного из «своих» «специалистов», или же он мог бы исследовать письменное заключение д-ра А. или его устные заявления. Однако вместо этого судья М. довольствовался использованием тех же письменных заключений экспертов обвинения, которые ранее были отвергнуты другим судьей как недопустимые, ненадежные и неубедительные, то есть без всякой серьезной проверки их достоверности. После такого тщательного анализа дела ЕСПЧ пришел к выводу: в том, что касается работы с экспертными доказательствами, касающимися характера деятельности Организации, защита была поставлена в невыгодное положение по сравнению с обвинением, а судебное разбирательство не было по-настоящему состязательным. Такое положение вещей противоречит требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции.

Обобщая, ЕСПЧ отметил, что принимает во внимание тот факт, что судья М. заслушал ряд свидетелей защиты,

исследовал несколько заключений экспертов и изучил ряд документов, а вопрос о том, был ли соблюден в отношении защиты принцип «равенства процессуальных возможностей» обвинения и защиты и был ли этот судебный процесс «состязательным», нельзя рассматривать исключительно в количественном измерении. В данном случае защите было очень трудно эффективно оспаривать экспертные доказательства, представленные судом стороной обвинения. ЕСПЧ подчеркнул, что дело против заявителя было построено на этих экспертных доказательствах и в данных обстоятельствах подход к работе с экспертными доказательствами сделал разбирательство дела заявителя несправедливым.

Этого вполне хватило ЕСПЧ не только для вывода о том, что в данном деле имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, но и о том, что серьезность данного нарушения лишает необходимости рассматривать другие процессуальные нарушения, на которые указал заявитель.

Главный урок данного постановления ЕСПЧ состоит в том, что *процессуальные гарантии, предоставленные стороне защиты, должны быть обеспеченными соответствующими обязанностями следователя и суда.*

Произвольный, основанный лишь на мнении, что следователю и суду все понятно, отказ в совершении дополнительных процессуальных действий в виде допроса эксперта, назначения новой экспертизы, приобщения внесудебного заключения, не соответствует европейским правовым стандартам, гарантирующим не иллюзорные, теоретические, а реальные права и свободы.

Защита прав и свобод реализуется, в том числе обеспечением должной правовой процедуры, которая немыслима без принципов, закрепленных в концепции «справедливого судебного разбирательства» в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции, и, в частности, гарантиями «состязательности» и «равенства процессуальных возможностей» («равенства оружия»).

Конечно, это отнюдь не все уроки, которые можно извлечь из данного дела. В нем есть направления, которые должны быть учтены при совершенствовании процессуального законодательства, причем не только уголовного. Нужно лишь действительно захотеть предоставить своим гражданам лучшую защиту, на уровне европейских правовых стандартов, которые на самом деле

являются лишь минимальными гарантиями защиты прав и свобод.

Как говорится, умный учится везде и у всех, поэтому помимо «уроков», данных в рассмотренном постановлении ЕСПЧ, хотелось бы обратить внимание на то, что ЕСПЧ не стал рассматривать жалобу целиком, указав, что установленных нарушений работы с экспертными заключениями достаточно, чтобы сделать вывод о нарушении положений Конвенции. Однако в особых мнениях к данному постановлению проанализированы и те нарушения, которые ЕСПЧ не счел необходимым рассматривать. Полагаем, что данный анализ также может быть хорошим подспорьем для того, чтобы улучшить российскую правоприменительную практику и законодательство. Зачем ждать, когда в следующем постановлении ЕСПЧ это будет уже основным критерием для установления нарушения положений Конвенции.

В общем (хотя и частично несовпадающем) особом мнении судей Пинто де Альбукерке и Туркович было высказано, что ЕСПЧ не стал рассматривать наиболее важные вопросы материально-правового характера в деле Матыциной, а именно, вопросы непредсказуемого применения бланкетной нормы уголовного права с приданием ей обратной силы и отказа от права на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности. По мнению двух судей, эти вопросы были важными и необычными, заслуживающими внимания Палаты ЕСПЧ.

Прежде всего, в деле поднимается принципиальный вопрос о том, что норма ст. 235 УК РФ является бланкетной нормой права, которая ставит наказуемость такого преступления, как незаконное занятие медицинской практикой, в зависимость от «неуголовных» нормативных актов (т.е. нормативных актов иных отраслей права). В рассматриваемом случае и эксперты, и суды ссылались на ряд нормативных актов административного характера, которые якобы содержали определение понятия «медицинская практика» и очерчивали пределы этого понятия. В то время как вопрос о том, совместимы ли бланкетные нормы уголовного права с принципом законности (*nullum crimen sine lege praevia, certa et stricta* — принцип запрета обратной силы закона, принцип определенности правовой нормы, принцип запрета аналогии), остается предметом бурного обсуждения, тем не менее, принято считать,

что эти нормы в принципе необходимы в некоторых областях уголовного права, а именно, в случаях, когда сложное содержание признаков состава преступления раскрывается в других, «неуголовных» нормативных положениях. Таким образом, бланкетная норма уголовного права применяется в сочетании с дополняющими нормами «неуголовных» нормативных положений. Так или иначе, эти «неуголовные» нормативные положения, раскрывающие содержание признаков состава преступления, отсутствующие в бланкетной норме уголовного права, сами по себе должны удовлетворять требованиям принципа законности.

Человек должен понять из формулировки нормы уголовного права, толкуемой в сочетании с соответствующими «неуголовными» нормативными положениями (в случае необходимости — при содействии третьего лица, обладающего юридическими знаниями), какие его действия или какое бездействие повлекут уголовную ответственность, и какое наказание будет назначено за его действия или бездействие⁷. Таким образом, «неуголовные» нормативные положения, которые дополняют бланкетную норму уголовного права, должны удовлетворять требованиям *lex praevia, certa et stricta* (принцип запрета обратной силы уголовного закона, принцип определенности правовой нормы и принцип запрета аналогии). В противном случае государство могло бы назначать наказание за деяние, уголовный характер которого в период его совершения никто не мог бы предвидеть.

В данном деле нормативные акты административного характера, которые должны были дополнить ст. 235 УК РФ, не обладали определенностью. В сущности, тщательный анализ законодательной базы, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела (т.е. в период с апреля 2002 г. по июнь 2002 г.), показывает, что ни один из этих нормативных правовых актов и ни одна методическая рекомендация не содержали четкого определения

правовых понятий «медицинская практика», «научная медицина», «процедура на основе научной медицины» и «народная медицина» для целей ст. 235 УК РФ. Нормативные правовые акты, действовавшие в период, относящийся к обстоятельствам дела, лишь устанавливали некоторые организационные принципы в области охраны здоровья, без точного и подробного указания на отличительные черты мероприятий и практик, осуществляемых в областях «научной медицины» и «народной медицины».

Следует признать, что в рассматриваемой области регулирования может быть трудно формулировать законы с абсолютной точностью, и может потребоваться определенная степень гибкости для того, чтобы дать судам возможность понять суть научных достижений. В самом деле, элемент судебного толкования правовых норм, как бы четко сформулированы они ни были, неизбежно присутствует, однако в своем толковании суды не могут выходить за рамки того, что можно было бы объективно предвидеть в данных обстоятельствах⁸. В данном же случае в связи с неопределенностью в сфере административно-правового регулирования оказания «услуг в области здравоохранения», в период, относящийся к обстоятельствам дела, нельзя было предвидеть, что осуществление Организацией ее деятельности без лицензии будет приравнено к уголовному преступлению. Из формулировок соответствующих административных положений, рассматриваемых в единстве с УК РФ, ответчик не смог бы понять, даже обратившись к специалисту за разъяснениями (о чем свидетельствует наличие взаимоисключающих заключений экспертов), что рассматриваемая деятельность Организации без лицензии грозит ей привлечением к уголовной ответственности⁹.

Хотя толкование и применение норм национального законодательства является задачей прежде всего национальных властей, в данном случае широкое и слишком общее толкование судами административных положений

⁷ См. постановления ЕСПЧ по делам «Кантони против Франции» («*Cantoni v. France*») от 15 ноября 1996 г., п. 29–32 // Сборник судебных решений 1996-V; «Радиовещательная корпорация «Радио Франс» и другие против Франции» («*Radio France and Others v. France*»), жалоба № 53984/00, п. 18–20, 30 марта 2004 г.; «Лийвик против Эстонии» («*Livik v. Estonia*»), п. 101–104, 25 июня 2009 г.; «Сорос против Франции» («*Soros v. France*»), жалоба № 50425/06, п. 55–62, 6 октября 2011 г.; и «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» («*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*»), жалобы № 11082/06 и № 13772/05, п. 791–815, 25 июля 2013 г. См. также постановления Европейского суда (European Court of Justice) по делам «Кознеке» («*Koepeske*»), дело № 117/83, 25 сентября 1984 г. и «Вандемортель НВ» («*Vandemoortele NV*»), дело № C-172/89, 12 декабря 1990 г.

⁸ См., например, постановление по делу «Башкайя и Окчуоглу против Турции» («*Baskaya and Okcuoglu v. Turkey*»), жалоба № 23536/94 и др., п. 39–40, 8 июля 1999 г.

⁹ См. *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) постановление по делу «Башкайя и Окчуоглу против Турции».

даже не согласовывалось с сутью уголовного преступления «занятие частной медицинской практикой»¹⁰. В ходе нового разбирательства дела суд первой инстанции произвольно истолковал административные нормы в ущерб ответчику, отнеся такие практики, как йога, дыхательные упражнения, пение мантр, медитация, ароматерапия и т.п., к категории «медицинских услуг».

Очевидный вывод заключается в том, что административных положений, действовавших в период, относящийся к обстоятельствам дела, не было достаточно для того, чтобы дополнить признаки состава указанного преступления, поэтому в ходе нового разбирательства дела суд первой инстанции вынужден был применить административные положения *ex post facto* (вступившие в силу после событий [данного дела]), которые были не только применены задним числом, но и к тому же сами по себе подвержены противоречивому толкованию.

Короче говоря, отнеся деятельность Организации и ответчика к категории «медицинских услуг», требующих лицензирования, суды расширили круг уголовных преступлений, предусмотренных УК РФ, до деяний, которые ранее не квалифицировались в качестве уголовных преступлений. Заявитель не могла объективно предвидеть, что ее действия будут квалифицированы как уголовное преступление «незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью» в соответствии с УК РФ с учетом его дополнения административными положениями, действовавшими в период, относящийся к обстоятельствам дела¹¹.

По мнению двух судей, подписавших особое мнение, правильным был вывод, к которому пришел суд первой инстанции в своем решении от 27 июля 2007 г. — для признания заявителя виновной просто не было правовых оснований.

Полагаем, что выводы в данном особом мнении являются достаточно аргументированными и убедительными с тем, чтобы учесть их в правоприменительной практике российских правоохранительных органов и судов.

Однако это еще не все, что можно извлечь из особого мнения двух судей ЕСПЧ. В данном особом мнении дан

тщательный анализ «отказу от права на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности».

Этот анализ был начат с указания на то, что неопределенность уголовно-правовой базы усугублялась еще и тем, что срок давности уголовного преследования заявителя истек, однако в отношении заявителя был вынесен обвинительный приговор с назначением ей наказания. Часть 2 ст. 27 УПК РФ предусматривает, что если обвиняемый возражает против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то производство по делу продолжается, а суд должен рассмотреть дело по существу. Из толкования положений ч. 2 ст. 27 УПК РФ неясно, может ли суд, помимо признания подсудимого виновным, назначить ему уголовное наказание.

Надо отдать должное судьям ЕСПЧ: они не ограничились анализом лишь нормы закона, но и стали изучать российскую доктрину и правоприменительную практику. Проведя такой анализ, они отметили, что наиболее значимые комментарии к УПК РФ не содержат единого мнения по этому вопросу: согласно одним комментариям, в случае признания лица виновным в совершении преступления суд в любом случае не может назначить ему наказание, тогда как в других комментариях говорится, что судья может назначить или не назначать наказание по своему выбору, в связи с чем судье дается неограниченная свобода усмотрения при принятии решений, что неприемлемо в соответствии с принципом законности. Нет и единообразной судебной практики по этому вопросу.

Из-за недостаточной определенности закона и предоставленной судьям неограниченной свободы действий при его применении заявитель не получила, как того требует принцип законности, заблаговременного прямого предупреждения о последствиях своего отказа от права на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности. Таким образом, заявитель не могла принять правильного решения с учетом всей имеющейся информации по вопросу отказа от своего права. Хотя заявитель и могла иметь некоторое представление о

¹⁰ См. *mutatis mutandis* постановления по делам «С.Р. против Соединенного Королевства» («CR v. the United Kingdom»), жалоба № 2190/92, п. 37, 22 ноября 1995 г., и «Kafkaris против Кипра» («Kafkaris v. Cyprus»), жалоба № 21906/04, п. 141, 12 февраля 2008 г.

¹¹ См. *mutatis mutandis* постановление по делу «Лийвик против Эстонии» («Liviik v. Estonia»), п. 100–104.

том риске, на который она идет, отказываясь от своего права на прекращение уголовного преследования в связи истечением срока давности, степень этого риска была полностью непредсказуема. Принципы заблаговременного предупреждения и ограничения свободы усмотрения при принятии официального решения, нашедшие свое воплощение в принципе законности, гарантированном п. 1 ст. 7 Конвенции, следует считать минимально необходимым условием соблюдения принципа верховенства права.

Двое судей ЕСПЧ в особом мнении сделали также вывод, что разъяснение, приведенное в ч. 2 ст. 27 УПК РФ, само по себе предосудительно с точки зрения прав человека. Отказ обвиняемого от права на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности — это добровольное согласие предстать перед судом, который может состояться в любой момент в будущем, невзирая на действующее законодательство о сроках давности уголовного преследования. На практике это означает, что любое лицо может согласиться предстать перед судом и, в конечном счете, быть наказанным за любое преступление, включая даже мелкое правонарушение, совершенное очень давно, когда уголовное преследование и осуждение уже не служат законным целям, когда с точки зрения пенологии нужды в наказании нет, и когда доказательства могут быть уже утрачены.

По мнению этих судей, такой отказ обвиняемого от своего права *per se* (как таковой) несовместим с Конвенцией, поскольку он сводит на нет как цель устранения причин, условий и последствий правонарушений, заложенную в срок давности, так и его смешанную (материальную и процессуальную) природу.

Анализ, положенный в основу такого вывода, на наш взгляд, весьма интересен: «Суть срока давности состоит в погашении правонарушения, что лишает государство полномочий преследовать подозреваемого по закону, привлекать его к суду, признавать его виновным и назначать наказание. Сроки давности предусмотрены в уголовном праве как для того, чтобы препятствовать возбуждению уголовного преследования исходя из фактических обстоятельств, установить которые со временем становит-

ся трудно, так и для установления крайних сроков, при превышении которых возникает неопровержимая презумпция того, что деяние более не представляет опасности для общества, а право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство будет ущемлено. Таким образом, оценка сроков давности является существенным условием наличия у государства права привлекать подозреваемых к ответственности и назначать наказание за преступление. Это условие лежит в основе суверенного права государства назначать наказания и, таким образом, касается не только приемлемости, но и существа дела».

Судьи в своем особом мнении также отметили, что на начальном этапе ЕСПЧ колебался в своем подходе к вопросу о природе срока давности. В постановлении по делу «Коэм и другие против Бельгии» («*Coëme and Others v. Belgium*»¹²) остался открытым вопрос о том, имело бы место нарушение ст. 7 Конвенции, если бы срок давности был продлен по закону после его истечения, хотя ЕСПЧ признавал допустимым закон, продлевающий срок исковой давности, при условии вступления этого закона в силу до его истечения. В решении по делу «Превити против Италии» («*Previti v. Italy*»¹³) ЕСПЧ дал толкование этого фрагмента постановления по делу «Коэм и другие против Бельгии» так, как если бы в нем утверждалось, что срок давности имеет исключительно процессуальную природу и не подпадает под действие гарантий ст. 7 Конвенции. Однако этот подход был справедливо отвергнут в постановлениях Большой Палаты по делам «К.-Н.В. против Германии» («*K.-H.W. v. Germany*») и «Кононов против Латвии» («*Kononov v. Latvia*»)¹⁴.

В настоящее время ЕСПЧ имеет четкий и однозначный подход к этому вопросу. Его можно обобщить следующим образом: срок давности соседствует с условиями наличия преступления и имеет с ними одинаковую силу, а значит, их связывает материальная природа элементов состава преступления, из чего логически следует применение ст. 7 Конвенции в полной мере, включая запрет придания обратной силы уголовным законам, предусматривающим более жесткие сроки давности привлечения к ответственности в ущерб интересам обвиняемого. Итак, в све-

¹² Жалобы № 32492/96, № 32547/96, № 32548/96, № 33209/96 и № 33210/96, п. 149–150, ЕСПЧ 2000 VII.

¹³ Жалоба № 1845/08, п. 80–85, 12 февраля 2013 г.

¹⁴ «К.-Н.В. v. Germany» [GC], жалоба № 37201/97, п. 107–112, 22 марта 2001 г., «Kononov v. Latvia» [GC], жалоба № 36376/04, п. 228–233, 17 мая 2010 г.

те Конвенции срок давности имеет смешанную природу, как процессуальную, так и материальную.

Приведенное выше толкование срока давности имеет ряд юридических последствий. Во-первых, суды имеют право и даже обязаны по собственной инициативе принимать решения о применении сроков давности исходя из высших соображений правопорядка, требующих введения в действие сроков давности. Во-вторых, коль скоро срок давности связан с правом государства преследовать гражданина по закону, привлекать его к суду, признавать виновным и назначать наказание, принцип законности в полной мере распространяется на порядок применения сроков давности. Основания для ограничения, приостановления и прерывания течения срока давности, любые исключения из срока давности и его продление предусматриваются законодателем. Они не могут быть определены судом, на них не может влиять обвиняемый. В-третьих, от применения срока давности нельзя отказаться: его истечение лишает суд права рассматривать дело и назначать обвиняемому наказание, и отказ обвиняемого от его применения не может предоставить суду соответствующие полномочия.

В правовом государстве, где соблюдаются права человека, право осуществлять уголовную юрисдикцию не может быть предоставлено суду действием обвиняемого, предпринятым в одностороннем порядке. Любое наказание за погашенное давностью действие или бездействие, даже если лицо выражает желание предстать перед судом, не только безоговорочно несоразмерно, но и к тому же идет вразрез с требованиями принципа законности. Срок давности уголовного преследования — это не просто освобождающее от ответственности обстоятельство, а отдельная гарантия рационального использования государством его полномочий по реализации норм уголовного права.

Обобщая вышеизложенное, двое судей ЕСПЧ пришли к выводу, что «помимо того, что заявитель была лишена права оспорить экспертные доказательства и в результате была несправедливо признана виновной, ей к тому же было назначено наказание на основании применения страдающих неопределенностью законодательных норм с приданием им обратной силы. Для торжества правосудия следовало бы прекратить этот судебный процесс

и перекрыть все возможности для продолжения этого совершенно необоснованного уголовного преследования. Соответственно, мы приходим к выводу, что имело место грубое нарушение ст. 7 Конвенции».

Мы же в свою очередь полагаем, что анализ срока давности и правовых последствий его истечения применим не только к уголовно-правовым нарушениям, но вообще к сфере привлечения к публично-правовой ответственности, будь то административной, налоговой и проч.

Надо отметить, что один из двух судей, написавших особое мнение, а именно судья Пинто де Альбукерке, написал еще отдельное особое мнение, в котором высказал точку зрения, что «недобросовестная работа с экспертными доказательствами, обусловившая несправедливость этого судебного процесса, усугублялась еще и отсутствием перекрестного допроса предполагаемой потерпевшей как в ходе первого, так и в ходе нового разбирательства дела».

Мы позволим себе акцентировать внимание лишь на отражении в особом мнении тех принципов, которые применимы к перекрестному допросу и оглашению показаний свидетеля. Это имеет тем более важное значение, поскольку в конце 2015 г. был анонсирован законопроект о внесении изменений в УПК РФ в части упрощения оглашения показаний свидетелей.

Итак, судья ЕСПЧ в своем особом мнении отмечает: «Принцип справедливого судебного разбирательства и принцип получения свидетельских показаний или доказательств при перекрестном допросе требуют дачи свидетельских показаний суду, выносящему вердикт. Оценка надежности таких доказательств зависит от их непосредственного восприятия судом. Принцип непосредственности, т.е. непосредственного заслушивания показаний судом... является составным элементом состязательного процесса, неотделимым от концепции справедливого судебного разбирательства. Таким образом, суд в принципе не может положить в основу обвинительного приговора свидетельские показания, полученные до этого судебного разбирательства, даже в случае, если эти показания были даны в ходе предыдущего разбирательства тому же или другому суду и его решение было впоследствии отменено, а дело направлено на новое рассмотрение, и независимо от того, отличаются ли составы суда

первой инстанции в ходе первого и нового разбирательства дела. А fortiori (и тем более), этот вывод применим к свидетельским показаниям, представленным на стадии досудебного расследования уголовного дела. Очевидным следствием этого принципа является то, что свидетельские показания, представленные на стадии досудебного расследования уголовного дела или на стадии судебного разбирательства в случае возврата дела на новое рассмотрение, лишь в исключительных случаях могут считаться допустимыми и использоваться в качестве основания для вынесения решения».

Судья ЕСПЧ далее отмечает, что для обеспечения соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства и принципа получения свидетельских показаний или доказательств при перекрестном допросе должен иметься исчерпывающий перечень правовых оснований для оглашения показаний свидетеля, не присутствующего в открытом судебном заседании, таких как смерть, физическая или психическая недееспособность, исчезновение, отъезд за границу и необходимость защищать жизнь, безопасность или здоровье свидетеля. Кроме того, в перечне таких оснований необходимо различать показания свидетелей, данные судье, прокурору или в полиции. Для целей осуществления состязательного и справедливого исследования доказательств показания, данные в полиции или прокурору, не могут быть приравнены к показаниям, данным судье на досудебной стадии. Перечень оснований для оглашения показаний свидетеля, не присутствующего в открытом судебном заседании, должен быть более обширным, если доказательства собирает судебный орган, и менее обширным, если доказательства собирает несудебный орган. В тех же целях при принятии решения о том, следует ли оглашать показания отсутствующего в суде свидетеля, суды должны учитывать, присутствовал или отсутствовал защитник при допросе этого свидетеля. Практика показывает, что при вступлении защитника на более поздней стадии зачастую бывает уже слишком поздно, и этого может оказаться недостаточно для того, чтобы устранить недостатки, обусловленные тем,

что свидетель был допрошен ранее с нарушением принципа состязательности. Перечень оснований для оглашения показаний отсутствующего в открытом судебном заседании свидетеля должен быть более обширным, если защитник участвовал или имел возможность участвовать в допросе свидетеля до суда, и менее обширным, если защитник не имел такой возможности.

Следующий аргумент судьи ЕСПЧ, безусловно, обладает практической ценностью для коррекции правоприменительной практики и законодательства: «правовой критерий ЕСПЧ, сформулированный недавно в постановлениях Большой Палаты по делу «Аль-Хаваяя и Тахири против Соединенного Королевства» («Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom»), жалобы № 26766/05 и № 22228/06, должен быть доработан на основе совместной оценки следующих критериев:

- характер основания, препятствующего присутствию свидетеля на слушании дела в суде;
- тип государственного органа, которому свидетель дал ранее показания по делу;
- присутствие или отсутствие защитника на этом конкретном допросе свидетеля;
- наличие других механизмов, гарантирующих право защиты заявить о недобросовестном собирании показаний и о недоверии свидетелю, а также право подвергнуть сомнению надежность его показаний;
- значимость, которую имеют оглашаемые показания свидетеля, не подвергнутого перекрестному допросу, в решении суда, рассматривающего дело;
- отказ от права на перекрестный допрос отсутствующего свидетеля»¹⁵.

На основе анализа фактических обстоятельств и вышеизложенных принципов судья ЕСПЧ в своем особом мнении пришел к выводу, что «систематически лишая защиту всякой возможности оспорить доказательства стороны обвинения и опираясь впоследствии на оглашение показаний свидетелей и экспертов, собранных на стадии досудебного производства и в ходе первого разбирательства, несмотря на решительный протест защиты,

¹⁵ Здесь уместно вспомнить о деле «Владимир Романов против РФ» от 24 июля 2008 г., в котором ЕСПЧ установил нарушение ст. 6 Конвенции в ситуации, когда суд ограничился оглашением досудебных показаний свидетеля. Хотя свидетель должен был прибыть в Россию всего через пять дней после судебного заседания, о чем суду было известно, суд не отложил рассмотрение дела. См. подробнее: Никонов М.А. Условия справедливого разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-правовой аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М., 2015. С. 281–307.

суд в ходе нового рассмотрения дела лишил принцип перекрестного допроса всякого практического смысла и, по сути, превратил разбирательство в фарс, причем создается впечатление, что суд изначально был твердо уверен в неизбежности признания ответчика виновной и действовал в соответствии со своими ожиданиями, вынося раз за разом промежуточные определения, ущемляющие интересы защиты, а в итоге и предсказуемый обвинительный приговор. При этом суд второй инстанции не принял никаких мер для устранения этой вопиющей несправедливости».

Надо подчеркнуть, что тщательное повторное ознакомление с постановлением ЕСПЧ и всем ходом процесса, не привело автора к другим выводам, нежели процитированные выводы судьи Пинто де Альбукерке. Очень похоже, что настоящей причиной всех процессуальных ограничений явилось предубеждение судьи, который уже загодя сделал вывод о виновности подсудимых. Не зря Ж.-Ж. Руссо писал, что «опаснейший подводный камень для правосудия — это предубеждение». При наличии предубеждения любые процессуальные гарантии становятся пустыми формальностями, соблюдение которых превращаются в видимость выполнения требований закона, но состоятельности уже никакой нет, равно как и правосудия¹⁶.

В данном конкретном случае обращение в ЕСПЧ могло не только заявительнице. В постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 4 марта 2015 г. № 2-П15 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» было отмечено, что «установленное Европейским Судом нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции влечет отмену приговора в отношении Матыциной. И поскольку инкриминируемые ей и Суздальницкой преступления взаимосвязаны, а в приговоре при обосновании виновности каждой использованы в качестве доказательств, в том числе, вышеуказанные заключения судебных экспертов, приговор в отношении Суздальницкой по ее делу, рассматриваемому в процессуальной аналогии с ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, также подлежит отмене»¹⁷.

Как видим, отстаивая свои права, можно защитить не только себя, но и других, в том числе тем, что выработанные стандарты помогут многим¹⁸ избежать необоснованного обвинения и наказания.

Библиография

Васяев А.А., Князькин С.А. Европейские стандарты справедливого судебного разбирательства по уголовным делам. — М., 2015.

Девятова О.В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования. — М., 2010.

Мигеле де Сальвия. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. — СПб., 2004.

Никонов М.А. Условия справедливого разбирательства как критерии оценки доказательственных материалов на предмет их допустимости: уголовно-правовой аспект // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. — М., 2015.

Рожкова М.А., Глазкова М.Е. Аспекты права на суд: новейшие тенденции // Российский ежегодник Европейской Конвенции по правам человека. — М., 2015.

Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / колл. авт. / под. ред. Т.Г. Морщаковой. — М., 2012.

Султанов А.Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Российская юстиция. 2014. № 1.

Султанов А.Р. Вопросы межотраслевой преюдиции // Адвокат. 2011. № 6.

Султанов А.Р. Европейские стандарты, уроки истории и правоприменительной практики. — М., 2012.

Контактная информация об авторе: Султанов Айдар Рустэмвич, судья Третейского энергетического суда, член Ассоциации по улучшению жизни и образования, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим»; e-mail: SultanovAR@nknh.ru.

¹⁶ Султанов А.Р. Вопросы межотраслевой преюдиции // Адвокат. 2011. № 6. С. 34–42; Султанов А.Р. Европейские стандарты, уроки истории и правоприменительной практики. — М., 2012.

¹⁷ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Султанов А.Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 24–28; Девятова О.В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования. — М., 2010.